

Источники и литература

1. Бонч-Бруевич В.Д. Сектанство и старообрядничество в первой половине XIX века / В.Д. Бонч-Бруевич // Избранные сочинения / В.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1. О религии, религиозном сектанстве и церкви. – С. 265-307.
2. Иникова С.А. Русские секты / С.А. Иникова // Русские (Серия «Народы и культуры») / [отв. редакторы В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук]. – М.: Наука, 1999. – С. 722-740.
3. Клибанов А.И. История религиозного сектанства в России. (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / А.И. Клибанов. – М.: Наука, 1965. – 348 с.
4. Клибанов А.И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем / А.И. Клибанов. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
5. Конь Р.М. Введение в сектоведение / Р.М. Конь. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2008. – 496 с.
6. Лебедев А.С. Духоборцы в Слободской Украине / А.С. Лебедев. – Харьков: Типография губернского правления, 1890. – 31 с.
7. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники: Очерки и рассказы: в 4 т. / Ф.В. Ливанов. – СПб.: Типографии: М. Хана, П.П. Меркулова, 1870-1873. – Т. 1. – [4-е изд., испр. и доп.]. – 1872. – 598 с.
8. Малахова И.А. Духовные христиане / И.А. Малахова. – М.: Политиздат, 1970. – 128 с.
9. Нагорна Т.В. Духовні християни в Україні наприкінці XVIII – у першій половині XIX століть: дис. ... кандидата іст. наук: 07.00.01 / Нагорна Тамара Віталіївна. – Запоріжжя, 2007. – 243 с.
10. Новицкий О. Духоборцы. Их история и вероучение / Орест Новицкий. – [2-е изд., пер. и доп.]. – К.: Унив. тип. И. Завадского, 1882. – 282 с.
11. Семенов И.Я. История закавказских молокан и духоборов / И.Я. Семенов. – Ереван: Авторское издание, 2001. – 124 с.
12. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду / П.И. Сумароков. – Т. 1. – СПб.: Имп. тип., 1803. – 273 с.
13. Харламов И.Н. Духоборцы. Исторический очерк / И.Н. Харламов // Русская мысль. – 1884. – № 11. – С. 138-161.
14. Шугаєва Л.М. Православне сектанство в Україні: особливості трансформації / Л.М. Шугаєва. – Рівне: Вид-ць О.М. Зень, 2007. – 320 с.

Кангиева А.М.**УДК 376.74(=512:19)****ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР
(ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ)**

***Аннотация.** Раскрыта связь между средневековыми литературными текстами и самоидентификацией народа, его ценностными и онтологическими ориентирами на примере арабоязычных староосманских произведений Крыма XV-XVIII вв. Рассмотрены категории "культурное наследие", "интеллектуальная преемственность", "объект материальной и духовной культуры", с помощью которых раскрывается понятие духовной и интеллектуальной преемственности. Продемонстрировано, как мировоззренческие и этические конструкты прошлого влияют на самосознание и менталитет народа.*

***Ключевые слова:** средневековый трактат, интеллектуальная традиция, духовная преемственность, ценности, мировоззрение*

***Анотация.** Розкрито зв'язок між середньовічними літературними текстами і самоідентифікацією народу, його ціннісними та онтологічними орієнтирами на прикладі арабоязычних староосманських творів Криму XV-XVIII ст. Розглянуто категорії "культурна спадщина", "інтелектуальне наступництво", "об'єкт матеріальної і духовної культури", за допомогою яких розкривається поняття духовного та інтелектуального наступництва. Продемонстровано, як світоглядні та етичні конструкти минулого впливають на самосвідомість і менталітет народу.*

***Ключові слова:** середньовічний трактат, інтелектуальна традиція, духовна спадкоємність, цінності, світогляд*

***Summary.** The article unveils the relationship between medieval literary texts and self-identification of modern people, it's values and ontological basis. As an example it was explored the medieval Crimean theological works in osman language written in arabic graphic in XV-XVIII centuries. It is analyzed such categories as "cultural heritage", "intellectual continuity", "objects of material and spiritual culture" through which the concept of spiritual and intellectual continuity is revealed. It is demonstrated how the philosophical and ethical constructs of the past affect the identity and mentality of the modern people.*

***Keywords:** medieval treatise intellectual tradition, spiritual continuity, values, world view*

Духовная культура народа – некий интеллектуальный и нравственный масштаб нации, рассредоточенный в пространстве и времени. То, что сегодня мы называем образцами материальной и духовной культуры – есть не что иное, как выкристаллизованные плоды творчества сердец и душ людей, проживавших на определенной территории в определенное время. И эти плоды всегда уникальны, они имеют неповторимый «аромат», «вкус», образ, звучание. Их ниша в культурном измерении вселенной не может быть занята ничем иным, это часть общечеловеческого культурного богатства.

Духовная культура крымских татар сегодня, материальное культурное наследие, искусство, наука и, в частности, филологическое наследие как одна из составляющих духовной культуры – является следствием

многовекового духовного «цветения» крымскотатарского народа в контексте общетюркской письменной литературы. Почему сегодня нам так важно осознавать этот многовековой колоссальный по своему масштабу и глубине духовный опыт предков, знать о столетиях интеллектуального и духовного труда ушедших поколений? Как сохранить эти плоды и донести до следующих поколений?

Сущность и становление духовной культуры на протяжении веков в рамках культурно-философской антропологии раскрывается в трудах С. С. Аверинцева, А. Я. Гуревича, Н. Бердяева, И. А. Ильина, А. Ф. Лосева, А. Я. Флиера, В. С. Степина, А. К. Уледова, А. С. Запесоцкого, А. Крѣбера, К. Клакхона, К. Леви-Стросса, В. Фон Гумбольдта, Н. Хомского. Духовная культура крымскотатарского народа как предмет отдельного исследования не изучалась.

Целью данной статьи является поиск путей возрождения утраченной преемственности интеллектуальной традиции крымскотатарского народа, в частности, рассмотрению средневековых этико-философских произведений как средства восстановления интеллектуальной преемственности. Среди задач данного исследования можно выделить следующие: анализ роли староосманских источников философского содержания, их социально-культурного значения и литературной ценности; определение места литературных источников крымских татар в культурном наследии народа; обоснование их важности в формировании общественного сознания; выявление возможных направлений литературного исследования таких текстов.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием научных разработок, посвященных интеллектуальной традиции крымских татар и ее связи со средневековыми источниками Крыма, с одной стороны, и научной и социальной ценностью таких разработок, с другой.

Знание и традиция – уникальнейший «капитал», единственный в своем роде, который множится при его делении. Сегодня, осознавая себя субъектом информационного общества, человек, как никогда, понимает важность адекватной, масштабной, полной картины мира, богатой как фактическими данными, так и чувственным опытом, и стройным ценностным, нравственно-этическим базисом.

С появлением на свет каждый человек начинает впитывать в себя через общение с матерью, ее речевые конструкты, поведенческие модели некую форму ментальности, определенную картину мира, и чем богаче она смыслами и образами, чем глубже она нравственно и эстетически, тем больше надежд у личности обрести то, что именуется душевным богатством. Ментальное и эстетическое становление личности начинается не с университетских годов и не со школьных. Потому, перед каждым из нас стоит задача сохранить и передать лучшее, что накоплено на этой земле.

Возрождение культурно-исторического и научного наследия Крыма свидетельствует об уважении к прошлому и заботе о будущем поколении, проявление ответственности перед обществом. Необходимость сохранения и развития культурно-исторической уникальности Крыма, укрепления социального единства, ненасильственного, гармоничного восстановления социальной справедливости с одновременным соблюдением интересов всех социальных групп как условие процветания Крыма требует от каждого жителя полуострова, а в особенности – от людей науки, высокого уровня социальной ответственности, трепетного, бережного отношения к памятникам прошлого, будь то образец материальной или духовной культуры.

В обоснование важности учета культурного наследия прошлого, продолжения этнокультурной традиции некоторые ученые приводят понятие «культурный генотип». Мы воздержимся от его использования, ибо возможность достаточного научного обоснования данного термина вызывает сомнение, поскольку генотип как научный термин – категория генетики, не культурологии. Но и без того очевидно, что богатство духовной и материальной культуры народа и душевное богатство всякого конкретного его представителя непосредственно связаны. Равно как верно и обратное: утрата связи с предыдущими поколениями означает личную потерю для всякого человека. Полное пренебрежение ценным духовным богатством предков свидетельствует исключительно об ущербности и узости личности. Если нам известно, что наши предки были эстетически, нравственно, интеллектуально высоко образованны, развивали прекрасные чувства, передавали их в поэзии и литературе, оттачивали остроту мысли в религиозно-философских трактатах, слыли мастерами в различных искусствах, то неужели не в наших интересах – сохранить это и воспринять, как нечто нам родственное, близкое нашей природе, для нас органичное и необходимое, неотъемлемое от нашей идентичности, от нашего естества? Неужели же нам не впитать это все с детства через фольклорные жанры, через ремесла, науку, социальные модели?

Де-факто, сегодня крымские татары в большинстве своем не просто оторваны от своих этнокультурных корней, но не имеют никакого представления о богатстве той самой духовной традиции, а зачастую и убеждены о скудости таковой. Подобные взгляды о собственной ущербности питаются псевдонаучными заключениями советских и российских ученых. И, вследствие этого, крымским татарам, как правило, не ведомо здоровое чувство национального достоинства, ведущее к развитию собственной Традиции и здоровому диалогу с представителями иных. Культурная и интеллектуальная преемственность в Крыму была прервана.

Говоря о письменных средневековых источниках, следует отметить, что особый интерес для Крыма бесспорно представляют произведения собственно крымских авторов, ученых, писателей, средневековых мыслителей и эрудитов. Не удивительно, однако, что именно эти произведения сегодня представляют наибольшую редкость. Анализируя коллекцию Фонда Ханского Дворца в своей статье, посвященной суфийским источникам, Абдульваапов Н. подчеркивает: «Обращает на себя внимание отсутствие среди представленных произведений образцов творчества крымских авторов. Дело в том, что целый ряд рукописных поэтических сборников крымских поэтов, которые могли бы быть рассмотрены в

соответствующем контексте, т. е. в рамках религиозно-суфийской тематики, в сегодняшней Коллекции отсутствуют и в настоящее время считаются утерянными. Хочется надеяться, что эти рукописи не исчезли навсегда и в будущем будут найдены» [10, с. 12].

Подобная ситуация с источниками авторства средневековых светил науки и искусства крымского происхождения – закономерный результат деятельности в Крыму предыдущих правящих режимов. Уничтожение этнической идентичности регионов, тотальная унификация и полное подчинение воли населения тоталитарному режиму как политика государства после 1917 г. предполагали не только физическую ликвидацию национальных меньшинств Крыма, но также и уничтожение культурного наследия, накопленного ими на протяжении столетий и оставленного на полуострове, что обеспечило бы невозвращение выживших представителей репрессированных групп в Крым и формирование нового общественного мнения и новой идеологической установки для сознания масс в отношении этнических меньшинств [8, с. 301-310].

В рамках проводимой политики глубокой идеологизации всей общественной и культурной жизни в стране была предпринята попытка уничтожить все образцы духовной и материальной культуры: рукописи, архитектурные формы, топонимы, предметы ремесел и прикладного искусства. Так, более 90 % автохтонной топонимии Крыма, также являющейся частью культурного наследия народа, было предано забвению, что даже на фоне всесоюзного переименования выделяется своей масштабностью. В качестве поощрения за обнаружение и истребление памятников культуры народов Крыма правительство публиковало в прессе хвалебные заметки и благодарности «особо сознательным гражданам» [9, с. 28-33].

Уничтожение культуры, науки и искусства Крыма еще до советского режима констатировал и М. Волошин в своей работе «Культура, искусство и памятники Крыма». «За все время своей истории Крым, вероятно, не переживал ни разу такого запустения, как во времена екатерининского завоевания» [7, с. 55-68].

Массовое уничтожение духовного наследия малых народов Крыма в советский период, наряду с установлением советской идеологии, стало этапом в череде репрессий, официально признанных незаконными в отношении депортированных этнических групп. Уничтожение письменных источников, архитектурных памятников, автохтонной топонимии – всего, что несло в себе отпечаток духовного богатства прошлых поколений крымских татар и других коренных народов Крыма, было произведено несравненно более усердно и основательно, чем это можно наблюдать в иных регионах. Репрессии производилось на основе ряда нормативно-правовых актов органов советской власти, противоречащих действующей на тот момент Конституции. Подобные действия бесспорно стали целенаправленной акцией по уничтожению историко-культурного наследия конкретных народностей и этнических групп Крыма, локально проявив издевательское отношение к традициям и истории отдельных народов.

В сложившейся ситуации задача современного общества и ученых – устранить губительные последствия описанных варварских действий, возродив и оживив те драгоценные образцы материальной и духовной культуры, которые пока еще не утрачены безвозвратно.

Следует отметить, что вопрос возрождения культурного наследия Крыма актуален не только для самого Крыма, но и для мировой цивилизации в целом. Тенденция к возрождению уничтоженных при тоталитарных режимах памятников материальной и духовной культуры очень активна. Современное общество приходит к осознанию острой необходимости возрождения литературного, религиозного наследия как средства связи поколений, как общечеловеческой ценности и носителя духовного богатства предков.

Задача ученого – превратить некую неопределенную для сознания большинства абстрактную, далекую от реальности, ущербно понимаемую категорию «культура родного края», «духовное наследие Крыма», «культурная, интеллектуальная традиция» - в конкретные измеримые, чувственно и рационально воспринимаемые плоды интеллектуальной, эстетической деятельности предков.

Традиция, которая зиждется на прочном нравственно-этическом базисе – обладает великой несокрушимой силой и красотой, и сохранение преемственность такой Традиции – означает сохранить великую часть духовной сокровищницы человечества.

Возрождаемая из пепла (метафорически и буквально) подвигами исследователей-языковедов крымскотатарская филология, в условиях длительной вынужденной аккультурации, после многократных попыток отрыва народа от языка – главного хранителя культурного и ментального богатства народа – требует от современных ученых-филологов высочайшего уровня ответственности, академической честности, научной целостности. Одна из целей ученого: показать, как в литературе через искусство, прекрасную словесность, писатели выражают базовые бытийные смыслы, нравственные основы человечества. Ибо литература есть рука об руку идущие разум и чувства, спрятанная в художественных образах, отраженная через текстуальную ткань, через воображение и восприятие автора, через его чувства и ценности - истина, красота, добро, любовь, гармония, идеи блага, чистоты, праведности.

Среди сохранившихся средневековых староосманских источников авторства крымских мыслителей по астрономии, теологии, поэзии, этике, философии, на наш взгляд, наибольшую социальную значимость сегодня представляют работы именно этико-философской направленности, в связи с тем, что подобные работы хранят в себе выкристаллизованные духовно-идеологические основы народа, его основные мировоззренческие, онтологические позиции, отражают его ментальность и душу.

Потребность в реконструкции и осмыслении прежнего ценностно-этического уклада как путь к толерантности и взаимно полезному со-бытию народов Крыма как никогда остро ощущается сегодня на полуострове. Поскольку социальное значение теоретико-литературных исследований и заключается в разработке духовного фундамента общества [1, с. 19], подобное литературно-философское исследование

как нельзя более органично и гармонично раскроет в динамике и во временной трансформации аксиологические основы крымских татар.

Разработка научных основ соотношения общего и художественного мировоззрения на примере указанных выше трудов, установление связей между различными видами духовной деятельности: художественной, философской, религиозной; соотношение искусства слова и религии – также станет немаловажным вкладом в развитие крымскотатарской и мировой литературы.

Кроме величия смысла, такие труды, как «Книга тайн» Хусейна Кефеви, «Рисаляти-Каф» Шарифа Кефеви, дидактические и этические произведения Селима Диване, являясь объектами исследования прежде всего философии и теологии – по нашему убеждению, также представляют собой яркие образцы художественного слова, обладая исключительной художественной ценностью, поскольку большинство средневековых трактатов, написанных на Востоке, будь то по медицине, математике или астрономии, как правило, всегда были изложены изысканным слогом, насыщены художественными средствами, символами, образами и аллюзиями [3, с. 207]. Посему, исследование этико-философских работ, кроме раскрытия собственно смыслов и ценностей, в них содержащихся, донесения доступным и актуальным для современного человека языком до широкого круга читателей, представляет собой и неоспоримую литературную ценность.

Говоря о средневековых источниках, целесообразно также исследовать и проблему средневекового арабграфического текста как феномена, ибо сам текст в религиозно-философской традиции того времени приобретает часто онтологический характер, в связи с чем разработка теории текста и законов его построения как способ смыслоизвлечения приобретает также особую актуальность. Исследуя крымскотатарские теологические трактаты, нельзя не поднять проблему философии такого текста, его эстетики и дискурсивности, что в дальнейшем позволит провести исследования этих текстов в герменевтической парадигме.

Средневековый философский текст на староосманском языке как особая символическая реальность, средоточие смыслов и символов, их несущих – объект исследования, достойный особого, самого пристального внимания ученых в сегодняшнем постинформационном обществе [4, с. 156]. Рассмотрение оригинальных аутентичных крымских текстов в герменевтическом срезе, феноменологизация и онтологизация философского текста на староосманском – новое и неисследованное направление философии литературы.

Популярное сегодня в рамках культуры постмодерна хайдеггеровское «мир как текст» [2] в средневековом восточном преломлении даст ценный научный результат. Ибо экзистенциализация текста как некой самостоятельной реальности (возможно, более «реальной реальности», чем та реальность, которую текст призван отражать в бытовом понимании) – присуща восточному мировоззрению не менее, чем сегодня мы привыкли наблюдать это у Гадамера, Хабермаса и Рикера. Ведь восточный мыслитель, излагая текст на бумаге, совершал это не как просто некое техническое действие по фиксации информации, но подходил к написанию текста как к особому ритуалу, несущему в себе отпечаток предельных основ бытия. Создавая текст в любой сфере науки и искусства, ученые Востока так бережно, трепетно и уважительно подходили к Слову, к его графике, лексико-семантической точности, эстетической огранке, что их можно назвать подлинными ювелирами, инкрустирующими бриллиантами слов корону Смыслов.

«Если некоторые мистики сравнивали человеческую деятельность с движением пера, то персидские мистики усматривали значение в чернилах. Они считали, что буквы – это разнообразные формы, которые будто имеют значение. Реально же и конкретно существует только чернило, которое является единственной неповторимой реальностью. Буквы же следует рассматривать как значимую сущность чернила» [6, с. 187].

Посему, исследование названных выше объектов средневековой науки и искусства в рамках литературоведения обещает привести к выводам, характеризующимся новизной и актуальностью.

Из вышесказанного следует, что литературно-философские исследования крымского средневековья актуальны сегодня как никогда и способны внести существенную лепту в деле восстановления интеллектуальной преемственности крымских татар. Изложенное однозначно доказывает актуальность, социальную значимость и величайшую научную ценность исследований средневековых этико-философских произведений крымских мыслителей как части культурно-исторического и научного наследия народа и человечества в целом.

Источники и литература

1. Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. Изд. 6-е, испр. и доп. - М.: Просвещение, 1975.-350с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – 125 с.
3. Евард В. Саїд. Орієнталізм. – пер. з англ. В. Шовкун. – К.: «Основи». 2001. – 511 с.
4. Савчук. В. Конверсия искусства. – СПб.: Петрополис, 2001. – 288 с.
5. Томпсон М. Философия науки / Мел Томпсон. – Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 304 с.
6. Прушковська І. «Краса і любов» Шейха Галіба : монографія – К. : Четверта хвиля, 2008. – 256 с.
7. Культура, искусство, памятники Крыма : [Статья из путеводителя "Крым" под ред. И. М. Саркизова-Серазини. – М., – Л.,1925] / М.А. Волошин // Забвению не подлежит. – Казань, 1992. – С. 55-68.
8. Перейменування назв адміністративних об'єктів Криму як наслідки депортації 1944 р. кримських татар, болгар, вірмен, греків. / Д. В. Могила // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Юридические науки». Том 21 (60). № 2. 2008 г. С. 301 - 310.

9. Принципи й критерії номінації та відновлення історичних назв у топонімії України / В. В. Лучик // Українська мова. – 2009. – № 4. – С. 28–33.
10. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании старопечатных и рукописных книг ханского дворца-музея в Бахчисарае / Н. Абдульвапов // Научный бюллетень. – 2004. – №8. – С. 12-17.
11. Конвенція про охорону нематеріальної культурної спадщини. – http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_d69

Лагодієнко В.В., Корнієцький О.В. УДК 658.7 ЛОГІСТИКА ПО-ЯПОНСЬКИ: ПІДВИЩЕННЯ ЕФЕКТИВНОСТІ ДІЯЛЬНОСТІ ПІДПРИЄМСТВ

Анотація. На світовому ринку логістики Японія займає почесне, одне з провідних місць та добре відома в світі завдяки своїм досягненням у сфері виробничої логістики, зокрема логістичній концепції «Точно в строк» та системі виробничої логістики Канбан, яку розробив «гуру» японської логістики Тойті Оно та впровадила найбільша автобудівна компанія Японії – Тойота. Між тим розвиток японської логістики не стоїть на місці і нині нею розроблена новітня система Кайдзен та її найсучасніша версія Гембакайдзен.

Ключові слова: логістика, підприємство, виробнича логістика, японська логістика, продукція, виробничі запаси, підвищення ефективності.

Аннотация. На мировом рынке логистики Япония занимает почетное, одно из ведущих мест и хорошо известна в мире благодаря своим достижениям в сфере производственной логистики, в частности логистической концепции «точно в срок» и системе производственной логистики Канбан, разработанной «гуру» японской логистики Тойти Оно и внедрила сама автопроизводственная компания Японии - Тойота. Между тем развитие японской логистики не стоит на месте и сейчас ею разработана новейшая система Кайдзен и ее современная версия Гембакайдзен.

Ключевые слова: логистика, предприятие, производственная логистика, японская логистика, продукция, производственные запасы, повышение эффективности.

Summary. The global logistics market takes pride of Japan is one of the leading and well known throughout the world because of its achievements in the field of production logistics, including logistics concept of "just in time" production logistics system and Kanban, which developed a "guru" Japanese logistics Toyiti Ono and implement the most autobuilding company of Japan - Toyota. Meanwhile, the Japanese logistics development does not stand still, and now her newest system designed Kaizen and its most advanced version Gemba Kaizen.

Keywords: Logistics, company, production logistics, yaponska Logistics, production, inventories, improving efficiency.

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями. Завдяки високій ефективності та економічності Кайдзен та Гембакайдзен нині широко використовується як в японських компаніях, так і в різноманітних фірмах багатьох країн світу. Отже, згідно системи «Канбан» виготовляється тільки та продукція, на яку є ринкове замовлення; під цю продукцію і визначені виробничі та товарні запаси підприємства. Вони є мінімальними, оскільки нічого зайвого не виробляється та не зберігається. Тому логістичну систему згідно концепції «Точно в строк» ще називають системою з нульовими запасами. Таким чином, ми можемо зазначити, що удосконалення логістичної системи йде вперед, цьому питанню ми приділяємо увагу в даній статті.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор. Спрямовано напрямком в Україні ще маловідомий. Згадується про нього в деяких фахових виданнях вчених-японістів [7], фахових довідниках [1;2;3]. Але широкому загалу українських економістів, логістів, економіко-географів терміни Кайдзен та Гембакайдзен майже ні про що не говорять. Між тим директор Інституту Кайдзен у Токіо М.Імаї опублікував у США дві книги про Кайдзен-систему, які перекладені та видані в Росії [4;6].

Формулювання мети статті. Мета статті полягає в розкритті сутності та переваг системи ефективного управління по-японськи з використанням логістичних систем Канбан, Кайдзен та Гембакайдзен з тим, щоб вони дістали визнання і серед українських підприємців, економістів, логістів.

Виклад основного матеріалу. Початки логістики, як новітнього науково-практичного напрямку, що отримав розвиток в кінці ХХ - на початку ХХІ століть, сформувалися в США в вигляді першої логістичної концепції «Планування потреб/ресурсів» та логістичних систем MRP (Material Requirements Planning - англ., Планування матеріальних потреб) та DRP (Distribution Requirements Planning - англ., Планування збутових потреб). Згодом з'явилося друге покоління цієї концепції - логістичні системи. MRPII (Material Resource Planning - англ., Планування матеріальних ресурсів) та DRPII (Distribution Resource Planning - англ., Планування збутових ресурсів). Але вказана логістична концепція та логістичні системи, що були створені на її підставі, мали одну велику хибу - вони не зачіпали виробничу ділянку підприємства, а просто адаптували до її потреб ділянку постачання (MRP) або ділянку збуту (DRP).

Цей недолік зауважили японські логістики та запропонували свою оригінальну логістичну концепцію «Justintime» (англ., - «Точно в строк»), на базі якої фахівцями найбільшої японської автобудівної компанії «Toyota» була розроблена та впроваджена система виробничої логістики «Канбан». Повна її назва «Канбан сейдо» - система інформаційних карток. Основна ідея цієї системи полягає в тому, що ділянка постачання,